

Идеал человека в "Сказании о черноризском чине" святителя Кирилла, епископа Туровского

Brusić, Anamarija

Undergraduate thesis / Završni rad

2022

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:580939>

Rights / Prava: [In copyright](#) / [Zaštićeno autorskim pravom.](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-11-09**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti
Katedra za rusku književnost

Završni rad

*Идеал человека в «Сказании о черноризском чине» святителя Кирилла,
епископа Туровского*

student: Anamarija Brusić
mentor: dr.sc. Natalija Vidmarović, red.prof.
ak. god.: 2021./2022.

U Zagrebu, 30. rujna 2022.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	1
СРЕДНЕВЕКОВАЯ КАРТИНА МИРА РУСИ X-XII ВВ.	2
КИРИЛЛ ТУРОВСКИЙ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ	4
ИДЕАЛ ЧЕЛОВЕКА В «СКАЗАНИИ О ЧЕРНОРИЗСКОМ ЧИНЕ»	6
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	14
ЛИТЕРАТУРА	15
SAŽETAK	17
KLJUČNE RIJEČI	17
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА	17
ŽIVOTOPIS	17

1. ВВЕДЕНИЕ

Изучение жизни и творчества Кирилла, епископа Туровского, определяется востребованностью его литературного наследия. Его гимнография, слова и аскетические сочинения имеют не только историческую ценность, но они также важные основы для исследования в областях библеистики, истории русского православного богословия и истории древнерусской литературы.

В изучении литературного наследия Кирилла Туровского важное место занимают исследователи его работ. В XVII веке, Дмитрий Ростовский включает житие Кирилла в свой сборник *Книги житий святых* или *Четьи-Минеи*. В начале XIX века, именно в 1821, на свет вышел сборник сочинений святого Кирилла Туровского. Автором этого сборника был Константин Калайдович, палеограф и исследователь древнерусской литературы и славянской письменности. Калайдович «особенно много внимания уделил характеристике сочинений свт. Кирилла Туровского. Калайдович считал его самобытным русским писателем XII в., обладавшим высоким художественным мастерством» (Соколова 2017). К числу ученых, оставивших след в исследовании творений Кирилла Туровского, относятся и исследователи советского и постсоветского периода: Болбас В.С., Замалеев А.Ф., Кириллин В.М., Подскальский Г., Рыбаков Б.А., и др.

Исследование литературного наследия Кирилла Туровского позволяет, во-первых, определить его место в древнерусской истории и исследовании древнерусских текстов; во-вторых, уделить внимание его нравственно-духовным сочинениям в области исследования начала христианства и богословской литературе в древнерусском государстве; в-третьих, исследовать влияние его просветительских идей на современное православное богословие.

Цель исследования этой заключительной работы – сделать анализ одного из трёх нравственно-духовных сочинений под названием *Сказание об черноризском чине*. На основе трудов исследователей наследия Кирилла Туровского анализ включает историю и положение христианства на Руси X-XII вв., краткое житие Кирилла Туровского, и, в конце, анализ *Сказания*.

Работа руководствуется тем, что *Сказанию об черноризском чине* уделено не столько внимания, сколько остальным нравственным сочинениям Кирилла Туровского. По словам Подскальского, *Сказание об черноризском чине* «не изучено с точки зрения его источников» (Подскальский 1996: 255). Поэтому в этой работе не используется только

ряд научных работ исследователей Кирилла Туровского, но и синодальный перевод Библии и Толковая Библия в редакции Александра Павловича Лопухина. Крайняя цель этой работы показать, что, с точки зрения Кирилла Туровского, монашество является жизненным идеалом средневекового русича.

2. СРЕДНЕВЕКОВАЯ КАРТИНА МИРА РУСИ X-XII ВВ.

По историческим данным 988 год – год официального принятия христианства как официальной религии на Руси. В это время этот шаг приближения к остатку средневековой Европы был немаловажным, так как христианство представляло движущую силу на пути политического и культурного развития тогдашнего государства. Благодаря решению креститься Великий князь Владимир Киевский не только облегчил Руси прочные торговые связи с Византией и остатком Европы, но и способствовал развитию литературы и грамотности своих поданных. Принятие христианства на Руси не обозначало однократно дело перехода от политеизма к монотеизму, а этот год и это важное событие представляло начало процесса отказа Руси от тьмы политеистического прошлого и перехода к блестящему христианскому будущему. Советский историк Борис Рыбаков передаёт в своей статье «Начальные века русской истории», что историки христианской веры и религии «делят историю каждого народа на два периода, считая рубежом принятие христианства; дохристианские времена они называют веками мрака, когда народы пребывали в невежестве, христианство же будто пролило свет на их жизнь» (Рыбаков 1988: 27). Как уже сказано, принятие христианства обозначало процесс, и поэтому жители Руси не полностью отказались от языческих обычаев, на которых выросли. Чтобы христианские миссионеры максимально приблизили христианство к новообращённым, тысячелетние верования не были полностью отброшены, а они подверглись христианской трансформации. Пример одной из трансформаций – новогодние «святки», при которых «в честь богов устраивались пиры, [люди] закалывали быков, козлов, баранов, всем племенем варили пиво, пекли пироги» (Рыбаков 1988: 24), после чего боги приглашались бы застолье. Церковь эти языческие святки использовала и приурочивала к ним «христианские праздники рождества и крещения (25 декабря и 6 января)» (Рыбаков 1988: 25). Славянское язычество начало жить в симбиозе с христианством, т.е. «язычество слилось с христианством» (Рыбаков 1988: 27).

Христианским священникам на Руси пришлось искать иной путь, на который они могли бы направить новокрещённых, чтобы те полностью приняли христианского Бога

как своего единого бога. В этом им помогали поучения епископов и митрополитов, а их авторы объясняли Священное Писание более простым и понятным для верующих способом. У Церкви на Руси была своя иерархия, соответствующая структуре светской власти: «во главе её стоял киевский митрополит, назначаемый из Константинополя или самим киевским князем с последующим избранием собором епископов. В крупных городах находились епископы, ведавшие всеми церковными делами большой округи – епархии» (Рыбаков 1988: 27). Первые епископии образовались, конечно, в больших городских центрах Руси, как, например, в Новгороде, а до монгольского нашествия их число значительно увеличилось. Причина в том, что «с обособлением отдельных княжеств каждый князь стремился к тому, чтобы у него столица имела своего епископа» (Рыбаков 1988: 27).

Кроме церковной иерархии, которая ещё называется белым духовенством, внутри её развивались монастыри, появившиеся на Руси в XI веке. По словам Рыбакова, монастырь – это «добровольное братство людей, отрёкшихся от семьи, от обычной жизни и целиком посвятивших себя служению богу» (Рыбаков 1988: 30). Монастырские представители также занимали роль дипломатов и судей. Те, которые стали епископами и митрополитами, «могли быть выбраны только из среды монахов, которых в отличие от обычных попов и дьяконов называли чёрным духовенством» (Рыбаков 1988: 30). Но монастыри были чрезвычайно влиятельной организацией, особенно благодаря их деятельности в областях грамотности, словесности и медицины. В борьбе христианства против язычества, одним из главных оружий, кроме молитвы, была словесность, т.е. способность чтения и интерпретации Священного Писания. В своём служении монахи занимались писанием молитв, слов и переписыванием Священного Писания: «Писание книг в Киевской Руси было искусством монашеским. Миряне, даже будучи грамотными, оставляли монахам заботу переписывать, переводить, упорядочивать память о прошлом или передавать в новых текстах голоса современности» (Пиккио 2002: 43). На Руси развлекательной литературы не было, а существовала только религиозная литература – Священное Писание, жития святых, слова, молитвы, и др. Учитывая, что меньшинство имело способность чтения и писания, возникла потребность в упрощении и пояснении слова Божьего обыкновенному верующему. Эту роль взяла на себя богословская литература.

В содержании термина «богословие» подразумевается «логически упорядоченное, систематическое изложение христианского вероучения во всех его разветвлениях» (Подскальски 1996: 433). Как уже сказано, на Руси в первые годы

христианства люди не были совсем религиозными, хотя это стараются изобразить церковные историки (Рыбаков 1988: 30). В своей богословской концепции мира христианство поставило человека в центр природы, а человек сделал природу своей служанкой. Епископы своим ораторским искусством пытались направить человека на путь нравственности. В отличие от Запада, где богословие «является рациональной спекулятивной дисциплиной», на Востоке оно «служит средством приобщения и наставления в истинах веры» (Подскальски 1996: 433). Особенно на Востоке самая важная духовно-аскетическая практика, составлявшаяся из молитвы, поста, литургии. Внутри богословия развилась аскетика, изучающая процессы «возрождения, исцеления падшего человеческого естества в процессе осуществления христианского подвижничества» (Азбука веры). Аскетика характеризуется тем, что аскетические произведения «предназначены только для чтения (а не для устной проповеди)» (Подскальски 1996: 242). Христианин читал аскетические труды, из которых получал все для повседневной жизни нужные знания. Аскеты уже прошли длительный путь духовного преображения и возрождения, и они стали образцами примерного и нравственного образа жизни. Аскетика, являющаяся особой наукой, изучает не только земную реальность человека, но и взаимодействие человека с Божественной благодатью. Впоследствии, «в первый век христианства на Руси ораторское искусство достигло значительного развития» (Пиккио 2002: 103). Оно развилось не только в Киеве, но и в других больших городских центрах, один из которых был город Туров и его Туровская епархия. Из этого города произошли самые замечательные проповеди, молитвы и послания, которые читаются и в богослужении сегодня в Православной Церкви. Их автором был святитель Кирилл, который своим учением помог людям понять смысл их жизни. В его нравственно-духовных трудах, а особенно в Сказании о черноризском чине, он изображает идеальный способ жизни на земле, приводя притчи из Ветхого и Нового Заветов.

3. КИРИЛЛ ТУРОВСКИЙ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

О жизни Кирилла Туровского мало известно. Исследователи его жизни согласны в том, что его произведения самые блестящие в Православной Церкви, и поэтому его прозвали «Русским Златоустом». По словам исследователя Кириллина, «сведения о нём содержатся в Ипатьевской летописи, в посвященной ему «Службе» и в кратком житийном сказании, которое, как предполагают, было составлено на рубеже XII-XIII веков» (Кириллин 2006: 43). Духовный писатель и епископ Русской Православной

Церкви в XVII в. Димитрий Ростовский включил произведения Кирилла Туровского в свой сборник *Четьихъ-миней* или *Жития святых*. Житие Кирилла приурочено Ростовским ко дню его церковной памяти, 28 апреля, т.е. 11 мая по новому календарю.

Кирилл родился и потом воспитан в городе Турове, который в настоящем находится в Беларуси, на реке Припяти. Он вырос в богатой семье, но уже в молодости отдалился от материального мира и «с особенным усердием занимался изучением Божественных книг и в совершенстве изучил Священное Писание» (Ростовский 2010: 432). После того как принял монашеский постриг и исполнил обеты, Кирилл хотел достигнуть высшее совершенство жизни в веры и поэтому он отошел от мирских дел и «заклучил себя в столп, где некоторое время и пребывал, подвизаясь в посте и молитве» (Ростовский 2010: 432). Именно в этот период Кириллова пребывания в столпе он написал сочинения, по которым стал известным. Неизвестно, в каком году он вступил на Туровскую кафедру по просьбе тогдашнего туровского князя Ярослава Георгиевича. Кирилл занял туровскую кафедру и пребывал на ней «более тринадцати лет (...), и за это время он создал лучшие свои произведения» (Болбас 1999: 92).

Деятельность Кирилла Туровского характеризуется тем, что он заботился о духовном здоровье и совершенствовании личности окружающих его верующих, а в книгах он «видел (...) средство нравственно-духовного усовершенствования личности» (Болбас 1999: 92). Он полагал, что духовная и мыслительная связи с Богом чрезвычайно важны, так как «основное предназначение человеческой мудрости – спасение души, которое возможно только с приближением к Богу. Творец точно знает пути, которые ведут к совершенствованию личности. Познать эти пути можно только познав сущность Бога» (Болбас 1999: 92-93). Все слова, притчи и молитвы, которые он написал, проникнуты «идеей возможности нравственно-духовного усовершенствования каждой личности и общества в целом в земной жизни» (Болбас 1999: 94). С того момента, когда человек создан, ему была дана свобода воли, чтобы поступать, как ему захочется. Но человек должен быть осторожным, так как, благодаря собственной свободе «каждый может сам выбрать свой путь в жизни, поступать по своим убеждениям, желаниям, прихотям, но в то же время нести личную ответственность за их последствия» (Болбас 1999: 94).

Произведения Кирилла самые блестящие, потому что он брал библейские сюжеты, которые потом объяснял человеку понятным образом, но в то же время он также ввёл свой собственный стиль ораторства. Чтобы осуществить свой замысел воздействовать на эмоции и сознание человека и хорошо объяснить Священное

Писание, Кирилл в своих произведениях «удачно пользовался богатством эпитетов, сравнений, гипербол, метафор, символических параллелизмов» (Болбас 1999: 94). Кроме духовного здоровья, по мнению Кирилла, «важнейшим нравственным качеством является любовь» (Болбас 1999: 94). Если у человека нет любви к другому человеку и к Богу, то он не может направиться на путь нравственности и милосердия, в конце которого находится небесный дом – рай. В него нелегко попасть, а Кирилл считает, что есть «только один путь «спасения» - «ангельское житие» - монашество» (Замалеев 1987: 148).

Кирилл писал произведения учительного характера, т.е. «сочинения аскетической публицистики» (Кириллин 2006: 46). К группе аскетических сочинений относятся *Притча о человеческой душе и теле*, *Повесть о беспечном царе и его мудром советнике* и *Сказание о черноризском чине*. В них Кирилл, в большей или меньшей степени, приводит факты монашеской жизни и как новые монахи должны заботиться о своём поведении, чтобы полностью отдаться вере и Богу. В сущности, эти сочинения «представляют собой богословские трактаты, в которых посредством символично-аллегорической экзегезы и нравоучительного толкования осмысливаются конкретные факты монашеской жизни» (Кириллин 2006: 46). Кирилл в своих аскетических сочинениях использует ветхозаветные и новозаветные сюжеты и делает аналогии, с помощью которых разъясняет вступившему в монастырь монаху смысл его новой, духовной жизни на земле. В *Повести о беспечном царе и его мудром советнике* и *Притче о человеческой душе и теле*, святитель использует библейские сюжеты и описывает, какое поведение монаха должно быть, т.е. каким ему нельзя быть. В *Сказании о черноризском чине* Кирилл обращается к монахам и объясняет им, как они должны вести себя после вступления в монастырь. Он также использует приёмы экзегезы, чтобы пояснить символику и значимость монашеской одежды, которую послушники надевают после пострижения в малый образ.

4. ИДЕАЛ ЧЕЛОВЕКА В «СКАЗАНИИ О ЧЕРНОРИЗСКОМ ЧИНЕ»

Полное заглавие *Сказания о черноризском чине* звучит так: *Сказание о черноризчестем чину, от Ветхого закона и Нового: онога образ носяща, а сего дела свершюща*. Это сказание Кирилл основывает на образах из Ветхого и Нового Заветов, и делает параллели между Адамом, Аароном, и Иисусом Христом. По словам Подскальского, это сочинение «обращено прежде всего к только что вступившим в монастырь и впервые облачающимся в рясу» (Подскальски 1996: 255).

Сказание Кирилл начинает с предложения: «Сначала скажем о тех, которые ещё только исходят из мира в монастырь и берут на себя ризы монашеского образа ради искусства, что имеет основание в постановлениях того и другого завета» (КТ в: Калайдович 1821).

Ещё в XI веке византийский богослов Преподобный Никита Стифат писал, что в разуме человека существуют три базовые состояния жизни: «плотское, душевное и духовное» и в продолжении он пишет, что «каждое из них имеет свой собственный строй жизни, отличный сам по себе и другим неподобный» (Стифат 2010: 107). Перед тем как человек становится монахом, он должен пройти три степени монашеской инициации, первой из которых «трёхлетний искус, или степень послушника» (ЖМП 1984: 358). В этом трёхлетнем периоде, послушник полностью отказывается от плотского устройства жизни, который насыщен удовольствиями и наслаждениями. Он направляется на путь нравственного совершенства, на протяжении которого он должен победить страсти плотского состояния. Страсти послушник побеждает принятием и исполнением монашеских обетов, а искус «служит вступлением в монастырскую жизнь, чтобы желающие её испытали прежде свои силы и лишь после этого произносили невозвратные обеты» (ЖМП 1984: 358). В число монашеских обетов входят девство, добровольная нищета и послушание, а «посвятившие себя исполнению этих обетов называются монахами (...) или иноками» (ЖМП 1984: 357).

Кирилл Туровский сравнивает монахов с агнцами, которых израильтяне жертвовали в Египте при установлении Богом пасхи. Как и агнец был жертвован, так и монах должен жертвовать себя и своё мирское прошлое, чтобы начать духовное будущее и служение Богу. Кирилл предупреждает монахов об их поведении, так как не все вступают в монастырь с одинаковым намерением: «Итак, монах, внимай своему образу и житию; смотри на облакающие тебя ризы и познай себя имеющего сочетать в себе свойства двух заветов» (КТ в: Калайдович 1821). Чтобы сочетать в себе Ветхий и Новый Заветы, монах должен победить свои страсти, т.е. грехи, так как жертвенный агнец должен был быть без порока (Исх. 12, 5). Кирилл говорит монаху: «Не будь же покрыт коростю - ни хром, ни слеп, ни ранен» (КТ в: Калайдович 1821). Здесь Кирилл не пишет о хромоте, слепоте и ранах человека в их физическом смысле, а в духовном. Душа человека ранена постоянным согрешением; она ранена из-за страстей, которые управляют поведением человека в его телесном состоянии. Современник Кирилла Туровского, Преподобный Пётр Дамаскин насчитывает более трёхсот страстей (Дамаскин 2008: 262). Все страсти монах должен заменить качествами жертвенности,

т.е. добродетелями, которых Дамаскин насчитывает столько же сколько и страстей (Дамаскин 2008: 258). Монах при исполнении своих обетов должен отказаться от страстях и принимать добродетели, и потом ему на душевном уровне открываются плоды Святого Духа, о которых писал и апостол Павел: «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5: 22-23).

С момента, когда монах входит в монастырь, он должен полностью отречься от собственной воли и отдаться в послушание Богу: «Ты, как свеча, волен в себе до церковных дверей, а потом не смотри, как и что из тебя сделают. (...) Имей свою волю только до вступления в монастырь; по принятии же монашеского образа всего себя отдай в послушание» (КТ в: Калайдович 1821). Если молодой монах нарушает свои обеты, он кончает плохо. Кирилл пишет в *Сказаниях*: «не таи в сердце своём даже малого своевольства, дабы не умереть душою, услышавши, подобно Анании» (КТ в: Калайдович 1821). Сказание об Анании входит в состав Нового Завета (Деян. 5, 1-6), а в нём речь идёт о Анании и его жене, которые утаили цену проданного им имущества. Апостол Петр свидетельствовал этому и спрашивал Ананию: «Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твоё мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли? (...) Для чего ты положил это в сердце твоём? Ты солгал не человекам, а Богу» (Деян. 5, 3-4). Кирилл пишет, что, если монах нарушит свои обеты, он возвратится в плотский грешный мир.

Период искуса новоначального ещё называется и рясофором, т.е. он носит рясы, «дабы в ожидании принятия монашеских обетов послушник утверждался на избранном пути» (ЖМП 1984: 358). Иночество в Православной Церкви разделяется на две степени: «малый ангельский образ и великий ангельский образ, или схима» (ЖМП 1984: 358). Большую часть *Сказания* Кирилл Туровский посвятил монашеской одежде, которую инок надевает после пострижения в малый образ. Кирилл привносит дополнительный смысл в понимание сути монашеских одежд, а в сказаниях из Ветхого и Нового Заветов он «находит множество прообразов монашеской одежды» (Кауров 2018: 1). Кирилл в начале *Сказания* пишет: «смотри на облакающие тебя ризы и познай себя имеющего сочетать в себе свойства двух заветов» (КТ в: Калайдович 1821). Эти ризы, которые монах надевает, обозначают мистическую связь монаха с Аароном из Ветхого Завета и с Иисусом Христом из Нового Завета. Брат Моисея Аарон был первым священнослужителем Бога и его можно считать первым монахом:

«Аарон и левиты - первые священнослужители Бога живого, по утверждению свт. Кирилла, были "приведены в монашеский чин", спустя сотни веков их функцию

скрепляет Христос. В Его одеждах, мучимого и ведомого на распятие, святитель усматривает одежды священнодействующего Аарона. Потом автор укажет на отображение тех же одежд в современном облачении монаха» (Кауров 2018: 1).

Свою трактовку Кирилл начинает с толкования о пострижении монахов в малый образ. Он в начале пишет о гуменце, о месте на голове, на котором подрезываются волосы при посвящении в монашество: «Пострижение волос, отъятие их от головы выражает отложение, удаление помыслов земных, влекущих к миру» (ЖМП 1984: 361). Когда израильтяне освободились из рабства, они «несли же с собою замешенное тесто, потому что, по причине быстрого выхода, не удалось им испечь его» (КТ в: Калайдович 1821). Они поставили тесто на головах и, «от долгого ношения квашни на голове» (Подскальски 1996: 256), оно испеклось от жара солнца, от чего волосы израильтян стали плешивыми, а «по образу этого и у чернцов бывает гуменце» (КТ в: Калайдович 1821). Мотив исхода из Египта также немаловажен, так как Кирилл называет жизнь монашества «ангельским житием», а мир «разумным Египтом». Он «сравнивал удаление из него [мира] в монастырь исшествием израильтян из Египта, а избавление последних от рабства «мысленному фараону» - дьяволу. От инока же, на его взгляд, требуется только одно – покорение и смиренномудрие. Без этого подвига невозможно попасть в рай» (Замалеев 1987: 148). Путь монаха с того момента, когда он берёт постриг совпадает с путём израильтян из Египта в Ханаан: «Носи же мысленное тесто до тех пор, пока будет у тебя на главе плешь, и верою перейди море, т.е. забудь дела житейские и как манну (...); не люби богатой и мягкой одежды, но старую» (КТ в: Калайдович 1821). В Новом Завете гуменец сравнивает Кирилл с терновым венцом Христа: «Но вспомни о себе и о пострижении своей головы, вспомни, что ты носишь образ тернового венца Христова, и понеси вместе с Ним свой крест злостраданием, распни себя вольным терпением и, таким образом, победишь врага» (КТ в: Калайдович 1821).

Кирилл предупреждает, что и в монастырях живут нечестные пред Богом монахи. Это те, которые постриглись и всё-таки не выполняют принимаемые ими обеты. По словам Подскальского, «это те монахи, которые исполнены жалости к собственной плоти, сменяют одежды, под предлогом праздника пьют пиво за отдельным столом, собирая им себе подобных» (Подскальски 1996: 257).

Кирилл продолжает свой трактат рассуждением об одежде, в которой был освящён Аарон, брат Моисея, с которым он вывел израильтян из Египта:

«И возьми к себе Аарона, брата твоего, и сынов его с ним, от среды сынов Израилевых, чтоб он был священником Мне, Аарона и Надава, Авиуда, Елеазара и Игамара, сынов Аароновых.

И сделай священные одежды Аарону, брату твоему, для славы и благолепия.

И скажи всем мудрым сердцем, которых Я исполнил духа премудрости [и смышления], чтобы они сделали Аарону [священные] одежды для посвящения его, чтобы он был священником Мне» (Исх. 28:1-3).

Чтобы устроить одежду Аарону, Моисей должен был выбрать только «мудрых сердцем» людей, а их священная одежда указывала на то, что они отличаются от остального народа по их религиозности и нравственности. Поэтому им нужно было надевать священные ризы и этим они стали первоначальными монахами Единого Бога: «Бог повелевает Аарону со всем племенем чистых левитов облечься в священные ризы: здесь, двояко знаменуя и Адамово преступление и Христово вочеловечение, указывает на монашеский чин» (КТ в: Калайдович 1821). Надевание им священных риз символизирует момент, когда Адам надел смоковный лист, чтобы покрыть свою наготу после его согрешения, а Христос вочеловечился, чтобы спасти народ от первоначального греха.

В Книге Исхода перечислена одежда, которую израильтяне должны были сделать для Аарона и его сыновей: «наперсник, ефод, верхняя риза, хитон стяжной, кидар и пояс. Пусть сделают священные одежды Аарону, брату твоему, и сынам его, чтобы он был священником Мне» (Исх. 28:4).

Кирилл начинает со стихаря, устроенного из «багряниц по образу смоковных листьев, которые Адам сшил для прикрытия себя» (КТ в: Калайдович 1821). Стихарь обозначает спасение человека, а монах, носящий эту одежду, наполняется радостью и торжественными чувствами: «Радостью буду радоваться о Господе, возвеселится душа моя о Боге моем; ибо Он облек меня в ризы спасения, одеждою правды одел меня, как на жениха возложил венец и, как невесту, украсил убранством» (Ис. 61: 10). Сравнение жениха и невесты с Церковью является особенно сильным и вообще неслучайным. В свадебной церемонии связь мужчины и женщины обозначает связь Небесного Бога с Церковью на земле, т.е. эта связь указывает на вечную любовь к Богу и ближнему. Кирилл сопоставляет символику стихаря в Ветхом Завете с его символикой в Новом Завете, так как «спасительный подвиг Христов даёт сюжету новое измерение» (Подскальский 1996: 258). Перед тем, как Христа еврейские священники осудили на

смерть, «вместо принесения крупичной муки, они говорили на Него хулу; вместо масла - они плевали на Его святое лицо; вместо тука - били по ланитам; купили же Его от Иуды ценою серебра, по образу одного сикла» (КТ в: Калайдович 1821). Монах, как и Христос, должен стать ревностным к добрым делам и возложить «на алтарь вместо елея и тука слёзы и стенания» (Подскальски 1996: 259). Священником по повелению Божию есть Иисус Христос, на Которого надевают «ризу червленую, т.е. стихарь Ааронов - взамен смокового листа, одеяния Адамова» (КТ в: Калайдович 1821). Риза червленая знаменует монашеский стихарь, который монах надевает с радостью, так как он отказывается от ветхого, грешного человека, которым был Адам, и облачается в нового человека и принимает Нового Адама - Христа. Надеванием стихаря монах решает отречься от своеволия и он готов передать свою душу в правление Бога.

Монах опоясывает себя поясом, «чтобы, крепче стянув своё плотское естество, в бодрости и духовной силе всегда творить заповеди Божии и соблюдать лично данное ему послушание» (ЖМП 1984: 361). Кирилл пишет, что пояс - «знак осуждения на крестную смерть, на которую Христос введом связанным, чтобы "обожить" Адама» (Подскальски 1996: 259). Монах своим собственным решением отказывается от мира плотского и вступает в монастырь, а препоясыванием пояса «в праздничные дни, уподобляясь Аарону и Христу» (Подскальски 1996: 259), принимает свою крестную смерть. Монах, как и остальные люди, человек смертный. Ждёт ли его рай после телесной смерти зависит о его поведения на протяжении жизни на земле. При этом ему помогает пояс, который он стягивает, чтобы помнить свои монашеские обеты.

Затем следует верхняя риза - символ грехопадения первого человека Адама, а украшения из яблок на ризе символизируют изгнание из рая:

«И сделай верхнюю ризу к ефоду всю голубого цвета (...);

по подолу её сделай яблоки из нитей голубого, яхонтового, пурпурового и червленого цвета [и из крученого виссона], вокруг по подолу её; [такого вида яблоки и] позвонки золотые между ними кругом;

золотой позвонок и яблоко, золотой позвонок и яблоко, по подолу верхней ризы кругом» (Исх. 28:31-34).

Лопухин в Толковой Библии объясняет, что «звук звонков при входе Аарона во святилище и выходе из него имел ближайшее отношение к личной безопасности

первосвященника» (Лопухин 2009: 512). Следуя примеру поведения Аарона, монахи должны не бояться носить подир, потому что, надевая и нося его, они живут под покровительством и защитой Бога как в земной, так и в загробной жизни. Тому, кто носит монашеский подир, «не умереть», а его жизнь продолжается в раю. Ободы верхней ризы сшиты золотыми нитями, а золото является символом трансцендентального мира и верховного правителя, т.е. оно «является одной из императорских инсигний» (Подскалки 1996: 259). Золотые ободы обозначают «приведение Христа на царский сан, бывшее тогда, когда вели Его к Пилату связанного, говоря "распни Его, поелику Он называет Себя царем"» (Калайдович 1821). Христос для верующего христианина настоящий Царь, а монахи, носящие плетенной золотом одежду, становятся послушниками земного и небесного правителя.

Верхняя риза не надевается без ефода с двумя камнями, «с изображением на оных двенадцати колен израильских» (Калайдович 1821). Ефод – тип верхней одежды, носящейся еврейскими первосвященниками, которая «состояла из двух кусков дорогой материи, (...) соединенных вверху на плечах двумя нарамниками, на которых сияли в 12 камнях имена колен Израилевых» (Библейская энциклопедия 2005: 219). Ефод надевается, чтобы монах учил народ и объяснял ему Священное Писание, как и его предшественники учили народ в Ветхом Завете. В Новом Завете ефод связан с событием, когда Иисуса приводят пред первосвященника Каиафа «с повязкой на глазах» и где он «подвергался насмешкам первосвященниковых слуг» (Подскалки 1996: 259). Кирилл объясняет, что монахи носят малую мантию за спиною, где они держат ветхий закон (Калайдович 1821).

Потом Кирилл описывает значение четырехсоставной ризы, символизирующую «распростертое над израильтянами в пустыне облако, из которого сходила для них манна» (Калайдович 1821). Кирилл объясняет молодому монаху, что его «мантия получила название от манны» (Калайдович 1821). Манна в Псалтири называется и «хлебом небесным», посланным Богом израильтянам с неба, когда они странствовали по Аравийской пустыне без еды:

«Он повелел облакам свыше и отверз двери неба,
и одождал на них манну в пищу, и хлеб небесный дал им.

Хлеб ангельский ел человек; послал Он им пищу до сытости.» (Пс. 77: 23-25)

Манна была не только заменой физической пищи, а также обозначала духовную пищу, предназначенную всем истинно верующим через Таинство Евхаристии: «Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой даёт вам истинный хлеб с небес. (...) Иисус же сказал им: Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда» (Ин. 6:32-35). Тот, который насыщается хлебом жизни, в Иисусе Христе никогда не будет голодным мирского, а монах, надевающий четырёхсоставную ризу, становится источником духовной манны народа. Эта четырёхугольная риза в Новом Завете означает одежду Иисуса, «которую по распятии воины разделили, и она покрыла четыре части мира; воины же Христовы - это монахи, которые носят четырёхсоставную мантию» (Калайдович 1821). Монахи - новый Израиль, который своими добродетелями направляют верующих на путь нравственности, так как они распространяют Слово Божье во все уголки мира.

Кирилл приводит кидарь и подир. И кидарь и подир надевали иудейские первосвященники. Кидарь был «головное священное украшение» (Бажанов), которое первосвященнику надевали исключительно в официальных торжественных случаях, а Кирилл его описывает как «осенение Святого Духа» (Калайдович 1821). Подир, т.е. монашеский куколь, в Ветхом Завете «служит символом Адамова греха, а по Евангелию - смирения Христова» (Подскальски 1996: 260). Кирилл описывает, что подир «означает то, что Христос взял на Себя грехи всего мира и пригвоздил их кресту» (Калайдович 1821). В отличие от Адама, который вкушает сладкое яблоко греха, Христос «вкушает жолчь с уксусом» (Калайдович 1821). Кирилл советует монахам соблюдать пост повседневно, потому что с помощью поста монах «должен принести в жертву своё хотение и пролитием слёз сжечь свои грехи» (Подскальски 1996: 260).

Сказание о черноризском чине святитель Кирилл Туровский заканчивает сравнением монашеского образа жизни с ангельским, объяснение чего он пишет исключительно «ради молодых и неразумных» (Калайдович 1821). Кирилл не хочет сказать, что монахи то же самое, что и небесные ангелы. Сравнение относится к ангелам на земле, к великим Пророкам Ветхого Завета и апостолам Нового Завета: «Смотри, как Писание называет ангелами священников, живущих в телесной чистоте и непорочно служащих Богу в ветхом и новом законе» (Калайдович 1821). И молодой монах может достичь и телесной и духовной чистоты, если возьмёт учения своих предков и учителей в качестве образца совершенной духовной жизни: «Хотя ты покрыт грехами преступления Адамова, но носишь на себе весь образ священных риз Аароновых;

постарайся же чрез терпение Христово соделаться сыном Божиим» (Калайдович 1821). Если монах становится сыном Божиим, то он может помочь и остальным верующим, а особенно тем, которые потерялись в грехе, отказаться от страстей и перестать следовать за богами прошлого.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первые полтора года лет, с момента, когда на Руси христианство стало официальной государственной религией, люди ещё не приняли Бога целиком. Они устраивали праздники, в которых смешивались и языческие, и христианские традиции. Такое поведение жителей Руси привело к быстрому развитию монастырей и богословской литературы. Самым ярким монахом просветителем русского народа был Кирилл, епископ Туровский. Он создал целый ряд молитв и слов, а нравственно-духовные сочинения позволили русским узнать, что для их жизни важнее всего.

В *Сказании о черноризском чине* святитель Кирилл учит только что вступившего в монастырь монаха поведению его в новом доме. Он берёт ветхозаветные и новозаветные сюжеты и использует их для объяснения важности монашеской жизни. Делая истинно служение и выполнение своих обетов, монах направляется на путь спасения от греха. Когда монах вступает в монастырь, он жертвует себя и свою мирскую жизнь. Он отказывается от самоволия и целиком принимает Бога. Хотя рядом с ним есть и монахи, которые не выполняют свои обеты, монах должен быть осторожным и не предать себя страстям и грехам. Он полностью отказывается от греха повседневным постом, с помощью которого становится ближе Богу. Надевая стихарь, монах славит Бога и Иисуса Христа, а, опоясав себя поясом, он осознает свою смертность. Верхняя риза ему служит символом греха первого человека, созданного Богом, а яблоки на ней изгнание из рая. Надевая её, он живёт под защитой Бога и его душа не умрёт никогда, а его жизнь после смерти продолжается в раю рядом с Богом. Нося ефод, монах продолжает дела ветхозаветных великих пророков, а надеванием четырёхугольной ризы он тот, кто через Евхаристию передаёт Христа и его учение христианам. Монах – земной ангел, который заботится о грешных. Он, как и Аарон, выводит их из мыслительного рабства в духовную свободу с целью попасть в рай. Поэтому, по мнению Кирилла Туровского, монашеская жизнь со своим милосердием и любовью к Богу и людям, является идеальным образцом жизни средневекового русича.

6. ЛИТЕРАТУРА

- Азбука веры. *Библия*, Синодальный перевод. Ссылка: <https://azbyka.ru/biblia/>, (дата обращения: 30 августа 2022).
- Бажанов, Никифор, архимандрит (2005) *Библейская энциклопедия*, 3-е изд. Москва: ЛОКИД ПРЕСС.
- Болбас, Валерий Сергеевич (1999) *Нравственно-просветительские идеи Кирилла Туровского*. Москва: «Педагогика», стр. 91-95.
- Дамаскин, Пётр, Преподобный (2008) *Творения. Краткое изложение священного трезвения*, редактор: Копылов, Леонид. Москва: Свято-Троицкая Сергиева Лавра.
- Журнал Московской Патриархии (1984). *Настольная книга священнослужителя*, Том IV. Москва: Издательство Московской Патриархии.
- Замалеев, Александр Фазлаевич (1987) *Философская мысль в средневековой Руси (XI-XVI вв.)*, (ред. Макарова, М.Г.). Ленинград: Издательство Наука.
- Кириллин, Владимир Михайлович (2006) *Литературное наследие святителя Кирилла, епископа Туровского* в: Труды Минской духовной академии, № 4. Минск: Минская духовная академия, с. 43-54.
- Калайдович, Константин Феодорович (1821) *Памятники Российской словесности XII века. Творения Кирилла, епископа Туровского*. Москва: типография С. Селивановского, стр. 102-116. Ссылка: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_Turovskij/skazanie-o-chernorizskom-chine/, (дата обращения: 3 сентября 2022).
- Кауров, Андрей, диакон (2018). *Символизм монашеских одежд в сочинениях свт. Кирилла Туровского*. Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 2 (14). Ссылка: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolizm-monasheskih-odezhd-v-sochineniyah-svt-kirilla-turovskogo> (дата обращения: 28 сентября 2022).
- Лопухин, Александр Павлович (2009) *Толковая Библия или Комментарии на все книги Св. Писания Вехого и Нового Завета в семи томах*. Издание 4-е. Москва: ДАРЪ.
- Пиккио, Рикардо (2002) *История древнерусской литературы*. Москва: Издательство Кругъ.

- Подскальски, Герхард (1996) *Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988-1237 гг.)*. Санкт-Петербург: Византинороссика.
- Ростовский, Дмитрий, св. (2010) *Память во святых отца нашего Кирилла, епископа Туровского* в: «Жития святыхъ на русскомъ языкъ, изложенныя по руководству Четыхъ-миней святого Димитрия Ростовского, Кн. 8-ая. Апрель». Москва: Ковчег, стр. 432-433.
- Рыбаков, Борис Александрович (1988) *Начальные века русской истории* в: *Христианство и Русь* (ред. Белов А). Москва: Наука, стр. 5-30.
- Соколова, Любовь Сергеевна (2012) *Калайдович Константин Феодорович* в: *Православная энциклопедия*. Москва. Ссылка: <https://www.pravenc.ru/text/1319911.html>, (дата обращения: 2 сентября 2022).
- Стифат, Никита, Преподобный (2010) *Вторая сотница естественных психологических глав об очищении ума* в: *Добротолюбие, Том V*. Москва: Издательство Сретенского монастыря.

7. SAŽETAK

U ovome radu obrađuje se tema životnog ideala srednjovjekovnog Rusa 12. stoljeća. Osnovu rada čini analiza djela *Priča o redovničkom činu* oratora i sveca Kirilla Turovskog koji objašnjava novom monahu kako se mora ponašati nakon ulaska u manastir i posvećivanja svog života služenju Bogu i Crkvi te na koji način on mora ispuniti i opravdati svoje zavjete. Dio rada također je posvećen značenju i simbolici redovničke odjeće.

8. KLJUČNE RIJEČI

Kirill Turovskij, bogoslovna literatura, redovništvo, Kijevska Rusija, XII. stoljeće, Sveto Pismo, životni ideal, *Priča o redovničkom činu*

9. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Кирилл Туровский, богословская литература, монашество, Древняя Русь, XII век, Священное Писание, идеал жизни, *Сказание о черноризском чине*

10. ŽIVOTOPIS

Anamarija Brusić rođena je 16. 8. 1997. godine u Rijeci. Osnovnu školu završila je u Puntu, a opću gimnaziju u gradu Krku. Godine 2017. upisuje preddiplomski studij anglistike i ruskoga jezika i književnosti na Filozofskom fakultetu u Zagrebu. Od 2018. godine aktivno djeluje na području kulture u sklopu neprofitne organizacije Red Čuvara grada Zagreba, udruge za oživljavanje antičke, srednjovjekovne i ranonovovjekovne povijesti. Područja interesa su joj historijska lingvistika, paleografija i hagiografija.